

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
РОССИЙСКОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО

ПАЛЕСТИНСКИЙ СБОРНИК

В Ы П У С К
13 (76)

ПАМЯТНИКИ
ПИСЬМЕННОСТИ
И ЛИТЕРАТУРЫ
БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА • ЛЕНИНГРАД

1 9 6 5

ВЗГЛЯД В ПРОШЛОЕ

Сегодня — 2 сентября 1900 г. — в г. Назарете решила моя судьба: буду учиться дальше. Хочу быть учительницей, это была моя заветная мечта, мечта заработать себе на хлеб и не „оставаться в прислугах у своей будущей невестки“. Последнюю фразу я слышала от матери с самого раннего детства.

Мать не была рада моему появлению на свет. Я была пятой девочкой в семье, где не было ни одного мальчика. Мать всегда говорила мне: „И кто женится на тебе, чернушка, всю жизнь останешься в прислугах у своей будущей невестки“. Это не было пустой фразой. В те далекие годы, если девушка не выходила замуж, она оставалась в семье на положении прислуги, так как женщина находилась под чадрой и применять свой труд могла лишь изредка на педагогическом поприще. Но удивительное дело, в учительницы действительно шли девушки с каким-нибудь физическим недостатком или очень некрасивые. Словом те, кого не брали замуж, и им-то и удавалось чему-нибудь научиться...

Правительственных школ для арабов-христиан в Турции не было. Россия считалась покровительницей православных, с ее помощью Антиохийский патриарх стал выбираться среди арабов, что продолжается до наших дней; Франция — покровительница католиков, маронитов; Англия — протестантов. Деятельность миссионерских обществ в арабских странах началась очень рано, цель их была борьба с исламом и превращение мусульман в христиан.¹

Первые русские школы в арабских странах были открыты в 1882 г. К этому времени в Петербурге возникло Русское православное палестинское общество. Задачей этого общества первоначально было создание приемлемых условий для русских паломников, которые в очень большом количестве посещали Палестину. Деятельность Палестинского общества была сравнительно непродолжительной — 1882—1914 гг. Однако оказанное ею влияние, особенно на развитие арабской литературы начала XX в., было ощутимо. Некоторые питомцы школ общества и сейчас в преклонном возрасте продолжают свою литературную деятель-

¹ التبشير والاستعمار في البلاد العربية بقلم مصطفى خالدي وعمر فروخ
بيروت الطبعة الثانية ١٩٥٧

ность, в которой ощущается их знакомство с русской литературой. Недавно я получила сборник арабских стихов „ал-Мимас“. Мое внимание привлекли два стихотворения, это были переводы стихов Лермонтова „Три пальмы“ и „Ветка Палестины“. На арабском языке и раньше имелись переводы этих стихотворений, но здесь явно ощущалось, что автор понимает дух русского языка. Автора я не знала. Им оказался питомец русских школ Палестинского общества Михаил Искандар.

Русское палестинское общество к началу 1914 г. имело 101 школу, в том числе две учительские семинарии. Одна мужская была в городе Назарете, а женская — в селе Бейт-Джале около Иерусалима. Начальных школ было 51 двухклассных со сроком обучения пять лет и 48 одноклассных с трехлетним обучением.

Программы обучения в двухклассных школах существенно отличались от программ в других европейских школах, где на первом месте стоял европейский язык. В русских школах первое место после закона божия занимали арабский язык и арифметика, второе — география и история, третья — русский язык. Редко кто из окончивших школу Палестинского общества мог безупречно правильно читать по-русски. Наши знания русского языка были ограничены, но мы учили наизусть стихотворения. Не был забыт и ручной труд: в женских школах девочки учились вязать кружева, вышивать, шить, а в мужских были столярные мастерские. Предусматривались программой физкультура и прогулки преподавателей со своими учениками по средам после обеда. Эти прогулки очень сближали педагогов со своими учениками.

Кружева, вязанию которых учились в школах девочки, очень дорого ценились. Они вязались простой иглой и были очень изящны. Это давало тогда заработок женщинам, как дает его и сейчас.

В Назарете впоследствии Палестинским обществом было построено большое трехэтажное здание, где разместились женская школа, амбулатория, столярная мастерская, общежитие учительниц и несколько номеров для приезжих туристов. В городе Назарете, как я упомянула, была мужская семинария, в числе ее преподавателей были и питомцы Московского Лазаревского института. Это обстоятельство много способствовало тому, что семинаристы знакомились с научными методами исследования в области арабской литературы. Через Лазаревский институт попала в руки учащихся, по словам писателя Михаила Ну'айме, который окончил эту семинарию, рукопись курса истории арабской литературы на русском языке.

После схоластического метода изучения литературы в арабских странах курс литературы на русском языке настолько заинтересовал учащихся, что каждый переписал его для себя. Вот что пишет об этом Ну'айме в своей книге „Далеко от Москвы и Вашингтона“: „Возможно, что русская учительская семинария была первым учебным заведением в арабском мире, которое позаботилось о преподавании истории араб-

ской литературы, педагогики и методиках преподавания. И так как в то время еще не была у арабов написана история арабской литературы на научной основе, годной для преподавания, то мы пользовались переводом рукописи одного русского востоковеда, которую списал каждый из нас для себя“.²

Школы Палестинского общества существовали не так долго, но они заложили крепкий фундамент русско-арабских культурных отношений, русско-арабской дружбы. В то время знание русского языка редко находило практическое применение в дальнейшей деятельности питомцев русских школ, но их соприкосновение с русской культурой и литературой не прошло даром. Многие арабские писатели, критики, поэты, сыгравшие большую роль в развитии современной арабской литературы, вышли из школ Палестинского общества. Еще большую роль сыграли журналисты-переводчики, тоже питомцы этих школ. Они ознакомили читающую арабскую публику с русской классической литературой: перевели много произведений Пушкина, Л. Толстого, Чехова, Горького и других писателей. Стоит упомянуть, что дети одного из этих журналистов-переводчиков Халиля Бейдаса недавно перевели на арабский язык „Войну и мир“ Л. Толстого. Правда, перевод был сделан не с русского, а с французского, так как они не владеют русским языком, но они как бы продолжают деятельность своего отца.

Я училась в женской двухклассной школе в Назарете. Она считалась образцовой. К тому времени уже окончил курс первый выпуск из бейт-джальской учительской семинарии. Эти учительницы были знакомы с педагогикой и методиками преподавания, были энтузиастками своего дела. Старшей учительницей была ливанка, хорошо знавшая арабский язык, она получила образование в Бейруте и была приглашена Палестинским обществом для преподавания в Назарет. Мне посчастливилось учиться у такого прекрасного коллектива педагогов. При школе был детский сад. Прием в сад был не ограничен, а в нем работала всего одна учительница. Лишь впоследствии я поняла, какой у нее был адский труд. Детей 3—5 лет было больше 40, надо было за всеми последить, всех занять. Половина этих детей обычно засыпала на циновках... Но будучи маленькой, я ей завидовала. Как мне хотелось быть на ее месте! Она зарабатывала, а для меня этим было все сказано. Бывают же в жизни стечения обстоятельств! В нашей школе заведующая детским садом была кривая, у младшей учительницы все лицо было покрыто прыщами, а старшая—ливанка—была хромой. Глядя на них, я постоянно слышала слова матери, что я некрасивая, что меня замуж никто не возьмет, и я решила во что бы то ни стало учиться и быть учительницей, как и они. Мне надо было учиться и учиться, чтобы попасть в учительскую семинарию. Как рано легла

² مخاضيل نعيمه . ابعده من موسكو ومن واشنطنون . دار بيروت ١٩٥٧ ص ٦٢

эта забота на мои плечи! В 5 лет я была уже взрослой в своих думах. В зимние вечера много женщин со своим рукоделием собирается у нас и сидит вокруг керосиновой лампы, водруженной на какой-то высокой подставке, они слушают сказки, которые так умело рассказывает моя мать. Дети окружают тетю, она печет в мангале каштаны, вот лопнувший каштан высоко взлетает и на кого-то падает, вызывая смех и возгласы. А я? Я сижу на сундуке под другой керосиновой лампой, прибитой к стене, и учу уроки. Часто я просыпаюсь уже в постели, куда меня спящей уносила с сундука сердобольная тетя.

И вот 2 сентября 1900 г. Для поступления в учительскую семинарию выбор пал на мою сестру, с которой я училась в одном классе. К моему счастью, мать не захотела с ней расстаться, и после долгих хлопот в семинарию приняли меня.

Ехать в Иерусалим из Назарета в то время было нелегким делом. Дорог мощеных не было, ездили по тропинкам через горы, медленно. В Иерусалим попадали лишь на четвертые сутки. Обычно собирались несколько человек вместе, чтобы ехать по этому пути, нанимали лошадей или ослов с погонщиками и отправлялись в путь. Старшим поручали смотреть за младшими. Ночевали где придется. Не всегда в пути была вода, и если запас воды, взятой с собой, кончался, то надо было ждать следующего населенного пункта или болота, чтобы напиться. Дорога шла через город Наблус, где жили тогда преимущественно мусульмане. Ни одна женщина и даже девочка не могла показаться там с открытым лицом. Наши родители обычно давали телеграмму знакомым, и те встречали нас с чадрой, которую мы надевали, проезжая по городу. Трудности пути были огромны, но они были ничтожны в сравнении с тем горячим желанием учиться, которое овладело мной.

И вот Бейт-Джала! Село на горе. Все ее жители христиане, обрабатывают землю под виноградники или инжировое дерево. Как во всех селах и деревнях, женщины здесь ходят с открытым лицом, на голове носят белое покрывало, как то, в котором часто рисуют Мадонну.

Наша семинария была расположена на вершине горы и окружена высокой стеной, точь-в-точь как древние монастыри. Ворота были всегда на замке. Семинария имела два двухэтажных корпуса, соединенных висячим коридором. В одном корпусе на верхнем этаже жили педагоги, а в нижнем размещались классы для начальной школы, другой корпус занимали семинаристки. Спальни были в верхнем этаже, а в нижнем — столовая, классы, библиотека и приемная начальницы. Недалеко от этих корпусов находились всякие хозяйственные помещения, кухня, пекарня, прачечная и даже коровник. Семинария имела свое хозяйство. Небольшая чудесная масличная роща служила для девочек местом ежедневных прогулок; но на маленький фруктовый сад мы всегда смотрели с тоской, так как не имели права туда входить. Зато цветник был нашей гордостью. Каких цветов не было в нем и каких только

ароматов недоставало! От скромной фиалки до чудесной лилии и пышных роз, цветущих гроздьями и отдельными головками, всех оттенков и дивных ароматов! Ромашка, посаженная по бокам парадного въезда, была выше человеческого роста.

Училось обычно в семинарии всего человек 40. Вначале срок обучения в ней был 6 лет, впоследствии стал 8. Два последних года были специально посвящены изучению педагогических наук, методике преподавания и практике преподавания в школах.

Бытовые условия были лучше тех, в которых мы жили дома. Каждая девочка имела кровать, шкафчик и определенный комплект белья и одежды. При спальнях комнатах были обширные умывальные комнаты. Классные комнаты были большие, светлые, их окна смотрели в сад. Из мужчин мы видели трех неизменных лиц: священника — преподавателя закона божия, преподавателя арабского языка — шестидесятилетнего старика и сторожа. Начальница и учительницы, за исключением 2—3, были все русские. Преподавание велось на русском языке уже с третьего курса. Наши педагоги были большей частью молодые, кого из них привлекла экзотика, кого — „святая земля“, а кого — любовь к делу, а таких было большинство. Мы, ученицы, жили очень дружно со своими педагогами, кроме знаний, они многому научили нас, что обогащало нашу жизнь, делало ее содержательной, интересной. Мы всегда были им благодарны. За время моего пребывания в семинарии сменилась начальница. Первая была пожилая, она скорее была воспитательницей, чем педагогом. Учебным процессом мало интересовалась, зато учила нас хозяйничать. Мы ходили на кухню, в пекарню, в прачечную и даже в коровник. При ней я училась два первых года. Вторая начальница была с высшим образованием и сразу взялась за пересмотр учебных программ, в которые были включены геометрия, физика, химия и история халифата. Последний предмет был главной заслугой начальницы. Спустя много лет я поняла значение этого человека и на всю жизнь осталась ей благодарной и признательной, хотя мы друг друга недолго любили. Она желала, чтобы ее восторженно встречали, преклонялись перед ней. Я ее уважала за заботы о нашем образовании, но восторгов не выражала, поэтому находилась у нее в „черном списке“.

Характерный штрих рисует разницу в целях деятельности европейских миссионерских обществ и Палестинского общества. Первые, как я указывала, старались арабов-мусульман обращать в христианство и резко высказывались против ислама. А вот в школах Палестинского общества не только никогда не делали этого, но старались знакомить нас, арабов-христиан, со славным прошлым нашего народа, даже с возникновением ислама, знакомили с историей родной литературы. Я не привожу имен лиц, с которыми встречалась в семинарии, но я хочу воздать должное человеку, который познакомил нас, арабских девочек, с историей арабов, — Елизавете Ивановне Голубевой, дочери рязанского свя-

щенника. Она, как все наши учителя и воспитатели, старалась привить нам любовь к нашему языку, литературе, к народу. Она нашла возможным изучить историю халифата и прочесть нам двухгодичный курс по этому предмету. И вот спустя более полувека я склоняю голову и преклоняю колено перед ее памятью.

Окончила я учительскую семинарию весной 1908 г., а осенью того же года приступила к преподаванию в Назарете в женской школе Палестинского общества. Итак, сбылась моя заветная мечта. Я всю жизнь благодарна русскому народу, на чьи трудовые копейки я училась в те далекие годы и в далекой теперь от меня Палестине, где не так долго действовало Палестинское общество. Очутившись случайно в России, я избрала ее своей второй родиной и навсегда связала свою судьбу с советским народом. Памятуя, что я обязана своим образованием и положением России, я считаю себя неоплатной должницей русского народа. Вступая в восьмой десяток жизни, я низко кланяюсь русскому народу и говорю сердечное русское спасибо. И пока я жива, буду работать, как и работала, отдавая все свои силы.
